

Света Беккум

ЗАМУЖЕМ ЗА НЕМЦЕМ

16+

Света Беккум
Замужем за немцем

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Беккум С.

Замужем за немцем / С. Беккум — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-93719-2

Невыдуманная история. Медсестра из провинции Света переживает развод и одна воспитывает сына Ваню. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день её тусклая жизнь станет похожа на сюжет заграничного романа?

Однажды Света с сыном попадают на морской курорт. Случайное знакомство с немцем переворачивает их жизнь с ног на голову. Леопольд впервые в жизни прилетает в Россию и, пережив немало приключений, забирает "Светушку" с Ванечкой к себе. Стать женой западного бюргера - о таком можно только мечтать! По крайней мере, Света так думала. Реальность оказалась куда более жёсткой. Приходит время, когда героиня не представляет, как ей быть дальше...

ISBN 978-5-532-93719-2

© Беккум С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава первая. Последний романтик	7
Глава вторая. Языковой барьер и доброжелатели	10
Глава третья. Культурный шок, или Сауна цузаммен	13
Глава четвёртая. Дядюшкино наследство	16
Глава пятая. Чему бы грабли ни учили, а сердце верит в чудеса	19
Глава шестая. Я жду тебя, дорогой!	22
Глава седьмая. Приключения Леопольда в России. День первый	24
Глава восьмая. Приключения Леопольда в России. День второй	27
Глава девятая. Приключения Леопольда в России. День третий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Света Беккум

Замужем за немцем

Предисловие

*Везения не существует вообще,
есть лишь достаточная
либо недостаточная подготовка
для того, чтобы справиться
с совокупностью обстоятельств.
Р. Хайнлайн*

Самолёт приземлялся в аэропорту Франкфурта-на-Майне, и я с интересом прильнула к иллюминатору.

А вот и они! – небоскрёбы финансовых центров – прямо под крылом самолёта. Даже страшно стало, что мы их зацепим.

Я закрыла глаза и унеслась в далёкое детство, на крошечную кухню советской хрущёвки.

Мы жили как все. Пластмассовая трёхъярусная люстра, ковёр над диваном и хрустальные вазочки в серванте.

Символы крепкой и благонадёжной советской семьи.

Для украшения жилища, помимо часов с кукушкой пензенского часового завода, большой популярностью у советских людей пользовались переводные картинки. Их можно было встретить на зеркале в прихожей, на кафеле в ванной, на полированном столе учащегося средней школы. И конечно, на гитарах дворовых пацанов.

На нашем кухонном шкафчике для посуды тоже красовалась заграничная наклейка. Переводилка с изображением утопающего в зелени сказочного города Франкфурт-на-Майне, так непохожего на наш пыльный район однотипных пятиэтажек.

По периметру на трёх языках латинскими буквами было написано The old and the new Frankfurt – Altes und neues Frankfurt – Francfort hier et aujourd' hui, и ни одной русской буквы! В этом состоял особый шик. По крайней мере, мне было ясно: в таком необычном месте должны жить совсем не обычные люди и там всё по-другому.

Как? Этого советские граждане знать не могли.

Никогда бы не поверила, что увижу этот город своими глазами. Но вот я стою посреди потока разноязычных пассажиров в аэропорту Франкфурта.

Молодящаяся дамочка обычной внешности. По профессии медсестра, обременена двумя детьми, отсутствием приличной жилплощади и средств к существованию. На лице боевая раскраска, нанесённая моей опытной рукой и не растёкшаяся даже при перелёте. Бежевый плащ в сочетании с брюками клёш из секонд-хенда, красный чемодан, купленный когда-то на курортах Крыма, и высоченные каблуки. Яркий благоухающий шарфик игриво закинут через плечо.

Лишь виза невесты в кармане давит, тянет вниз и не даёт расслабиться и легкомысленно предаться отпускному настроению.

Что я здесь делаю? Меняю жизнь, познаю новое, верю, надеюсь и, главное, не сдаюсь! Вон он, машет мне рукой – среднего роста, худощавый, с аккуратной седоватой бородкой, по-спортивному в джинсах и светлой парке – мой иностранный жених Леопольд. А по-нашему – Лёвушка.

Полтора года со времени знакомства пролетели незаметно, я и понять не успела, как в очередной раз собралась под венец.

– Светка вышла на международный уровень. Следующий будет межгалактический, – съехидничала моя лучшая подруга Марьяна.

Черeda неудачных браков, официальных и не очень, вызывала у моих подружек смешанные чувства. Господи, хоть бы уж этот – последний!

Ну, посмотрим, как встретит заграница. Сколько романов ни читай и телевизор ни смотри – а всё же у всех по-своему.

Продолжаем учиться на своих ошибках.

Часть первая

Глава первая. Последний романтик

В тот год нам с Ванькой несказанно повезло.

Ванька – мой восьмилетний сын, шустрила и отличник. Хотя с тех пор, как его отец – любовь всей моей жизни Вадик – покинул нас ради молодухи, Ванька немного съехал в учёбе. Но в смекалке отказать ему было невозможно.

– Мама, мы что, едем на море?! – сразу догадался он, когда я с порога затынула: «Ты морячка, я моряк».

– Ванюшка, собирай чемодан. Мы едем в Турцию!

Я и сама не верила своему счастью. Рука невольно потянулась к коробке с фотографиями. Ванька, Вадик и я в обнимку с Гераклом на пляже Евпатории. От фотографии пахло солёным воздухом, и я слышала шум моря. «Эх, раньше были времена, а теперь моментики. Даже кошка у кота просит алиментики», – промелькнула в голове частушка моей бабушки. Я вздохнула, вспоминая этот единственный совместный отдых на море. Вскоре после него Вадик и ушёл. А я погрузилась в страдания.

Алименты бывший платил исправно. Но сумма их оставляла желать лучшего. Да и моя зарплата медсестры радости в жизни не прибавляла. По крайней мере, про заграничные курорты нечего было и мечтать.

Судьбоносную поездку в Турцию нам оплатила тётя Ира, мамина подруга, сумевшая после перестройки вписаться в новые правила жизни.

– Света, бросай ты эту канитель со страданиями. У тебя отпуск в сентябре, так вот, дарю тебе путёвку на юг. Возьми сыночка с собой, поезжай, развейся. Турция, пять звёзд, всё включено.

– Тётя Ира, спа-си-бо! Вы настоящий клад! Бегу покупать белые брюки.

«Море, море, мир бездонный...» Как же я по тебе скучала! Сразу после регистрации в отеле мы бросили сумки в номере, наскоро переоделись и рванули к тёплой волне.

Первый день я ходила открыв рот и прислушивалась к иностранной речи. Вот и русские, тоже здесь. Ну, слава богу, мы не одни.

Я расслабилась и, выдав Ивану «Инструкцию по поведению в заграничном парадизе», уютно устроилась около бассейна на лежаке.

Какой кайф!

Мамы меня поймут – кайфовать мне пришлось недолго. Очень скоро я поняла, что Ванька слинял в неизвестном направлении. Я растерянно оглянулась по сторонам в надежде найти очевидцев. Ближайшим соседом оказался мужчина с седоватой бородкой, одиноко читающий книжку в тени зонта.

«Точно не наш, иностранец», – подумала я, и моя догадка тут же подтвердилась.

– Литтл бой? – мужчина замахал руками, показывая мне в направлении площадки для мини-гольфа.

Смотри-ка, догадался. Я интенсивно закивала головой и вдруг ответила на школьном английском:

– Йес! Сэнкью!

Иностранец оживился. Он поднялся с шезлонга и направился в мою сторону, по пути прикуривая сигарету.

И тут начинается история, в которую я сама бы не поверила, если бы она не случилась на самом деле. Во мне неожиданно проснулись школьные знания английского, бережно привне-

сённые в наши светлые пионерские головы «англичанкой» Виолеттой в средней школе номер 33.

Все учителя иностранных языков в советских школах считали свои долгом быть модницами, выгодно отличались от остальной учительствующей братии, и даже имена у них были большей частью необычные. И я всегда с удовольствием ходила на урок, любясь очередным Виолеттиным шедевром в виде бабочки-жабо.

Спасибо тебе, моя дорогая советская школа!

Несколько английских слов позволили нам понять друг друга. Разговор начался с разрешения на курение, перешёл на жаркую погоду и закончился обеденным временем.

Пунктуальный немец, как оказалось, уже отобедал. Я же поспешила откланяться. Во-первых, надо было найти Ивана, а во-вторых, я была немного ошарашена внезапным диалогом на английском.

На обратном пути я раздулась от гордости. Как это я так смогла – объясниться с иностранцем? Ничего себе, дела... Эксперимент захотелось продолжить.

На другой день я выбрала место в сторонке и решила понаблюдать, но незнакомец меня нашёл. Проходя мимо, помахал рукой: «Хэлло!» Потом пригласил на чашку кофе.

Последние три дня перед его отъездом пронеслись, как три часа. Мы болтали обо всём, не всегда хорошо понимая друг друга, играли вместе с Ванькой в теннис, листали турецкие газеты.

Я узнала, что его зовут Леопольд и что его жена ушла к другому. На этом пункте мы друг друга отлично поняли, и я поведала ему свою печальную историю, подкрепляя свой рассказ мимикой и жестами.

– Светлана, он не вернётся, забудь о нём, – его большие печальные глаза смотрели, казалось, прямо мне в душу.

«А ведь и правда, не вернётся», – как бы впервые осознала я простую истину. Интуиция подсказывала, что этому мужчине можно верить.

– Светлана, уехать в Германию очень сложно, но если официально оформить брак, то возможно, – как бы в подтверждение своих слов он взял мой безымянный палец и виртуально надел на него кольцо.

«Что это? – пронеслось в моей голове. – Это что, предложение? Бред, так не бывает, мы знакомы два дня. Да и не собираюсь я ни в какую Германию!»

Я попыталась отшутиться:

– Я люблю свою родину, там мои родители, друзья.

Но иностранец не отступал:

– Я улетаю завтра. В восемь утра меня заберёт такси. Давай проведём сегодняшний вечер вместе?

«Только бы это не было поводом затащить меня в постель, – думала я, надевая новенькие белые брюки. – Тогда сказка разобьётся на тысячи осколков, а в мою копилку добавится очередное разочарование».

Но всё прошло на удивление спокойно. Наш с Лео словарный запас сам собой закончился. Мы молча гуляли по аллее, дыша тёплым воздухом юга.

– Гуд найт!

Мы ни о чём не договорились. В глубине души я не верила в продолжение случайного знакомства.

Не обладая внешними данными Мэрилин Монро и имея в приданное лишь двоих детей (старшая дочь к тому времени уехала учиться в Питер), как я ни ломала голову, но так и не нашла ответа на вопрос, зачем я нужна этому аккуратному симпатичному немцу, который при желании мог бы найти себе вариант получше.

Тем не менее утром, ровно в полвосьмого, я была внизу на рецепшене. Он увидел меня издали, подскочил с дивана, глаза радостно загорелись.

– Светлана! – он взял мои руки в свои ладони, и было видно, как он волнуется. – Я ждал, что ты придёшь. Оставь мне свой имейл, я напишу тебе. Придётся работать со словарём!

Ах, судьба моя, судьба... На развороте его маленькой дорожной книжки я написала свой электронный «...точка ру». Пора прощаться. Ни к чему не обязывающая мимолётная встреча? Или?..

Его большие красивые глаза наполнились грустью:

– Данке.

«Светка, ты ещё сомневаешься, – сказала я сама себе. – Посмотри на него, конечно же, это он, Последний Романтик! Это невероятно, что они ещё живы».

Уходя, мы обернулись одновременно, как в кино:

– Чао!

– Гуд бай!

Сразу по прилёте домой я побежала открывать электронную почту. Письмо! Небольшой текст сразу на трёх языках – немецком, английском и русском.

Переписка началась.

Глава вторая. Языковой барьер и доброжелатели

«Согласно библейскому преданию, после Всемирного потопа человечество было представлено одним народом, говорившим на одном языке. До того времени, пока люди в своём тщеславии не решили строить в городе Вавилоне башню высотой до небес, чтобы "сделать себе имя". Строительство башни было прервано Богом, который создал новые языки для разных людей, из-за чего они перестали понимать друг друга и рассеялись по всей Земле».

Я вздохнула и закрыла страничку энциклопедии.

Всю безответственность моих далёких предков я поняла только тогда, когда прочитала текст на ломаном русском: «Я надеюсь вы летали хорошо. В интернет является перевод на различный языки. Вам нужно вводим текст и нажмите передачи». Внизу стояла подпись почему-то в женском роде: «Ваша Леопольда».

Я кинулась к подруге, переводчице Маргарите.

– Ритуля, выручай! Что всё это значит? Вот ещё на английском текст, переведи!

Рита посмотрела внимательно:

– Так, пишет он на немецком, потом вставляет текст в программу-переводчик, найдёшь в интернете. Программа переводит на любые языки, вот это он до тебя и хочет донести. Но учти, перевод автоматический и несовершенный, так что мой совет: строй маленькие предложения, а то программа с ума сойдёт с нашим великим и могучим.

– Ритуля, миленькая, помоги! Напиши ему на английском.

Она посмотрела на меня сочувственно:

– Ладно, первый раз помогу. Но вообще-то, сама понимаешь, в наше тяжёлое время услуги переводчика не бесплатны. Он тебе, может, голову морочит от нечего делать. Развлекается, так сказать. А ты, дуручка, время и деньги на него тратить будешь. Их таких знаешь сколько, любителей по компьютеру поразвлечься.

Вторая подруга, свободная художница Марьяна, оценила ситуацию ещё круче. Высокая и красивая, она вела богемную жизнь: выставки, встречи с гениями, рестораны и фуршеты. Если бы мы не дружили ещё со школы, то в обычной жизни нас вряд ли что-либо связывало. Она была птицей свободного полёта, в то время как у меня – непутёвые мужья, рождение детей и тяжёлый труд медицинской сестры.

Выслушав историю моего случайного знакомства, которую я пролетела уже не так уверенно, она посмотрела на меня с высоты своего роста и великолепия.

– Свет, ты меня просто поражаешь своей наивностью. Ты себя в зеркале-то видела? Это почти как у Хармса: «Ну, с дубинкой, ну, с метёлкой, ну ещё туда-сюда. Но романтик заграничный – это просто ерунда!»

Вердикты близких подруг вызвали в моей ошалевшей голове разброд и шатание. Но у меня ещё сохранялась надежда на девочек с работы. Они и так обзавидовались моей нечаянной заграничной поездке. И я с удовольствием представляла их вытянутые лица при выслушивании истории про заморского принца.

В кардиологии пахло корвалолом и стерильными биксами.

– Светка, везучая, загорела-то как!

– Девочки, внимание. Все сели? Держитесь, а то упадёте. Я на курорте с немцем познакомилась! С настоящим. Истинный ариец, так сказать.

В воздухе повисла пауза. Не верить моему сообщению у девчонок не было никаких причин. Но и радости в глазах я тоже не увидела.

Первой пришла в себя старшая сестра. Многозначительно пожевав губами, она произнесла:

– Знаю я одну такую искательницу приключений. Вышла замуж за немца. Приехала к нему – квартира большая, но запущенная. Окна немые, шторы нестиранные, в шкафах пылица. Ну, думает, покажу я тебе, что такое настоящая русская хозяйка. Ушёл тот немец на работу, а она давай стараться – перестирала шторы, перемыла окна, всё пропылесосила. Еле успела к приходу милого. А он вместо благодарности на развод подал! Сказал, что она его разорила, за один день столько воды и энергии истратила, что ему теперь год не рассчитаться.

– Это что. Я вот знаю, они наших девчонок разводят, чтобы они интимные фото высылали. Или ещё того хуже, раздевались перед камерой, – в унисон добавила её подружка Людка.

На этом утренняя пятиминутка закончилась, и мы молча разбрелись по рабочим местам.

Вечером масла в огонь добавила моя бабушка, большая поклонница передач Андрея Малахова.

– Ты не вздумай туда с Иваном ехать, – увещевала она меня. – Он у тебя ребёнка заберёт, а тебя вышлет обратно на родину. Ты потом по судам замучаешься ходить, а правды не найдёшь. А то ещё хуже – продадут на органы.

Эх... Мне стало грустно. Наверное, они правы. Размечталась. Поразмыслив над советами доброжелателей, я не без сожаления составила следующий текст:

«Привет, Леопольд. Сейчас у меня мало свободного времени, чтобы писать тебе письма. Я работаю, а вечером Иван требует внимания. По выходным я тоже стараюсь взять смену. Всего доброго, Светлана».

Ответ пришёл почти мгновенно. «Я очень понимаю. 100 евро в месяц высылать. В любви, ваш Лео».

Ну вот, дело принимало совсем другой оборот! Речь шла даже и не об этой сумме. Для меня это был знак, что с его стороны всё серьёзно. Значит, я ему точно небезразлична и он рассчитывает на продолжение романа.

Так, милые мои подружки, больше ничего вам не скажу. Полагаюсь на интуицию, ведь я же его видела и чувствовала, что он настоящий. И потом, даже если есть подвох, что я теряю? Можно рассматривать предложение о переписке как дополнительный заработок.

И я окунулась с головой в мир иностранной речи и переводов.

Своё первое письмо я начала очень романтично. «Милый Лео. Мне приснился сон, что я приехала к тебе на машине». Дальше шла история с моими правами и опытом вождения. Надо же было с чего-то начинать.

Ответ от милого пришёл не сразу. И очень меня озадачил.

«Имею честь назвать меня сладеньким. Я исполнить твою мечту и купить тебе машину. Конечно ты иметь на это право».

Что за ерунда? Пришлось опять вызывать Маргариту. Ритка потыкала пальцами в компьютер и расхохоталась.

– Смотри сюда. «Милый» гугл переводит как Süßer. Süß по-немецки «сладкий». Это первое. Второе, «сон» и «мечта» по-немецки одно слово Traum. Отсюда подмена понятий. Он подумал, что ты мечтаешь о машине. Ну и третье – «права». В немецком языке этот документ называется совсем по-другому. Поэтому несчастный Леопольд понял твоё послание буквально, что ты имеешь право настаивать на исполнении мечты, чтобы он купил тебе машину!

Я густо покрылась краской.

Целый час мы с Ритулей писали оправдание моим наглým требованиям к незнакомому мужчине. В итоге все друг друга поняли. Но только до следующего раза.

В следующий раз я с тревогой прочитала следующий текст: «Сегодня быть осмотр злокачественные опухоли».

Это повергло меня в замешательство и одновременно расставило всё на свои места.

«Ах, так он, оказывается, тяжело болен? – тупо соображала я. – Так вот почему он решил на роман со мной... Последний шанс!»

– Как жаль, что ты болен!

– О майн готт, я совершенно здоров! Это профилактический осмотр.

– Экскьюзми, плиз...

Последней каплей стало его сообщение о том, что он видит из своего окна, как на поле растёт рапс – такая сельскохозяйственная культура.

Несчастный Лео, конечно же, и не подозревал всего коварства со стороны автопереводчика, который не краснея перевёл с немецкого слово Raps как «изнасиловать». Так что в итоге я получила письмо такого содержания: «Я видеть из моё окно на поле изнасилование».

Мне в очередной раз стало не по себе. Теперь уже точно с ним всё ясно. Сексуальный маньяк! Добрался до простодушной иностранки.

Несколько дней я не отвечала на его письма. Леопольд нервничал. Убеждая меня в своей благонадёжности, он слал мне фотографии с работы, от мамы, соседского кота и даже свои постирушки.

Я же терялась в догадках и не могла понять, что произошло в тот день, когда он смотрел в окно. И почему история с изнасилованием оказалась такой короткой? Вызвал ли он полицию? И вообще, как часто в Германии бюргеры наблюдают на полях подобного рода события?

Признаться Рите, что жених оказался сексуально озабоченным, было нелегко.

– Светик, это невероятно, но факт! – Рита сама была поражена такой интерпретации. – Он видел в окно рапс! Обычный рапс... Вот что, моя дорогая. Если ты хочешь продолжать эти отношения, берись-ка ты учить немецкий.

– Ритуля, пощади! Мне сорок с хвостиком.

– Любви все возрасты покорны. И потом, Светка, как же твой девиз: «Вижу цель, не вижу препятствий»?

В этом подруга была права. «Уж если я чего решил...»

И я взялась за дело со всем энтузиазмом. Всё, как в школе – алфавит, местоимения, глаголы, существительные. По вечерам, уединившись на кухне нашей маленькой однушки, я учила наизусть слова и предложения.

Сначала язык мне очень не понравился. Когда первый раз Леопольд, добрая душа, прислал мне по интернету лирическую песню на немецком, мне просто резануло слух: «Эсфельт-миршвер онедихцубен едентаг цуедерцайт айнфах алесцугебен».

С непривычки это показалось мне каким-то противоестественным – песня про любовь такими колючими словами. Сразу вспомнилось советское детство и фильмы про войну: «Хенде хох» и «Гитлер капут».

Но к чести Маргариты, она сразу же встала на защиту языка Шиллера и Гёте:

– Это очень логичный язык. Если ты его почувствуешь, то обязательно полюбишь!

В общем, через полгода моих усилий я была готова принять первое приглашение в Германию, в гости к Лео.

Настало время переходить от теории к практике!

Глава третья. Культурный шок, или Сауна цузаммен

В аэропорт меня никто не провожал. Сын остался с родителями, а на работе я взяла две недели в счёт отпуска, невнятно пробубнив что-то про семейные обстоятельства.

Положив на колени самоучитель немецкого, с которым в последнее время не расставалась, я уютно устроилась в кресле самолёта.

Несмотря на полугодовую переписку, на то, что мой немец всячески старался расположить меня к себе и доказать свою благонадёжность, большой уверенности, что это не афера, у меня не было.

Успокаивало то, что я ехала по приглашению, где значились его данные. А также то, что мои усилия в изучении языка не пропали даром. По-крайней мере, в случае чего я смогла бы объясниться с официальными лицами.

За окном иллюминатора поплыли грязно-серые картинки тающего на полях снега в окружении чёрных голых лесов, а в голове варилась каша из фраз «Эх, где наша не пропадала» и «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское».

И только при пересадке в Домодедово, слившись с многоязычной пёстрой толпой, изумившись стойкой регистрации в виде аквариума с живыми рыбками и купив бутылку минералки по заоблачной цене, пришёл драйв, жажда приключений, а в голове чётко прозвучало: «Расслабься и получай удовольствие».

И заграничная сказка началась.

С этого момента я часто ловила себя на мысли, что как бы наблюдаю себя со стороны. Вот улыбающаяся и слегка испуганная дамочка в светлом дорожном плаще пытается на ломаном немецком вежливо уточнить у персонала, где происходит выдача багажа. Потом на паспортном контроле отвечает на вопросы дежурного (ура, получилось!). И уже на выходе пожимает руку поджарому элегантному господину с седоватой бородкой.

К чести Леопольда надо сказать, что он тщательно готовился к моему приезду и составил программу пребывания, как в лучших домах. Достопримечательности соседних городков, праздник Пасхи, еда, шопинг и... сауна.

Думаю, что идея с сауной пришла Лео в голову не сразу, но небезосновательно. Дело в том, что, прибыв к нему на квартиру и развесив вещи в специально приготовленном для меня шкафу, я всё ещё чувствовала себя морально не готовой к другим отношениям, кроме совместных прогулок и обедов. Лео тоже выбрал выжидательную позицию и предоставил мне возможность спать в отдельной кровати, ни на чём не настаивал.

И вот как-то под вечер, сидя перед нашим помощником и переводчиком компьютером, он произнёс:

– Светлана, ты любишь сауну?

– Конечно!

– Давай завтра съездим. Смотри, это сайт спортивного комплекса, – он открыл страничку в интернете.

Несколько бассейнов, солярий, разные типы сауны – это можно было понять по фотографиям. В таком огромном водном комплексе мне бывать ещё не приходилось.

– Да, я согласна, конечно, поедем!

– Это сауна цузаммен, что значит «вместе», – попытался он объяснить. Но я его не слушала, побежала доставать из чемодана купальник.

Уже на входе повеяло свежестью – этот особый банный запах, я его просто обожаю. Свежевымытые граждане, разрумившиеся и с влажными волосами, покидали заведение. А мы в числе других счастливых, со спортивными сумками наперевес и выражением предчувствия удовольствия на лицах, разбрелись по кабинкам для переодевания.

В новеньком купальнике я предстала перед Леопольдом, который уже ждал меня, обличившись в белый махровый халат.

– Ну как?

Лео посмотрел на меня критически и отрицательно замахал руками. Словами и жестами он показал мне: иди, мол, обратно в кабинку, купальник снимай и надевай халат на голое тело.

Не поняла... С чувством, что меня хотят развести, я всё же переделалась и последовала за Леопольдом в зону купания.

Внутреннее убранство поразило меня своим масштабом: панорамные окна, лестницы и пальмы.

Справа на входе располагалась первая парилка. Не моргнув глазом, Леопольд снял халат и предстал перед моим изумлённым взором в костюме Адама.

У меня сомнения поползли: он нормальный вообще? Стоит в чём мать родила в общественном, между прочим, месте. Где я нахожусь?

Огляделась получше – батюшки! По помещению с невозмутимым видом перемещались абсолютно голые люди, в лучшем случае с полотенцем в руках.

Несмотря на тёплый тропический климат, у меня по спине пробежал холодок.

Леопольд дёрнул меня за руку и жестом пригласил последовать его примеру.

Что делать? Назвался груздем – полезай в кузов. «Сняла решительно халат наброшенный, казаться гордою хватило сил».

В предбаннике я поначалу растерялась от обилия обнажённых мужчин. «Ну всё, попала ты, мать. Тут тебя и оприходуют...» Так или иначе, я набралась решимости увидеть всё собственными глазами и уж конечно ни в коем случае не упасть в грязь лицом перед иноземцами.

В центре круглой парной лежали горячие камни. Мужчины и женщины рассаживались на лавочках, как бы соблюдая определённый ритуал. Мой Леопольд остался внизу, а я забралась наверх. Туда, где погорячее.

Когда амфитеатр, бельэтаж и галёрка были основательно заполнены, из двери показалось главное действующее лицо представления – мужская фигура, выделяющаяся из толпы наличием на себе широких спортивных трусов.

Фигура несла на подносе рюмочки с какой-то пахучей жидкостью, одну из которых я взяла по примеру других.

– Это нужно пить? – спросила я рядом сидящего молодого человека.

– Нет, – улыбнулся он, – мазаться надо.

Понятное дело! Маргарита тоже мазалась, прежде чем в ведьму превратиться. Сердце застучало так, что мне казалось, было слышно на расстоянии.

Мужик в трусах тем временем закрыл окно широким экраном. Стемнело, и откуда-то с потолка полилась приятная расслабляющая музыка.

«Наверняка это специальная сауна для секса», – думала я, с опаской озираясь по сторонам. Единственная мысль не давала мне покоя: зачем им делать это в парилке? Жарко же!

Я уже мысленно наметила себе пути к отступлению, так как ничего хорошего от всего этого действия ждать не приходилось.

Хорошо, что я не убежала! На экране пошли кадры с природой. Мужик поддавал пару и махал на нас огромным полотенцем. Люди потели, покрываясь от удовольствия. Через несколько минут сеанс был окончен.

И ничего не произошло.

На выходе из парной я, как отсталая женщина Востока, завернулась с ног до головы в полотенце и свернулась калачиком на лежаке. Из-под полузакрытых глаз я наблюдала, как обнажённые бабульки осторожно спускаются по лестнице в бассейн, а бодрые старички в распахнутых халатах, сдвигающимся в такт шагам хозяйством, маршируют в сторону кафетерия.

Так вот, оказывается, как парятся немцы! Ничего себе, встряска для души и тела. Когда я наконец осознала, что нахожусь в полной безопасности, во мне проснулся дух авантюризма.

Летящей походкой я вышла из бани и скрылась из глаз в тёплых водах огромного бассейна, который начинался в помещении и продолжался по улице, во внутренний двор.

По берегам приветливо кивали разлапистыми ветвями пальмы в горшках. Мимо меня проплывали обнажённые тела со счастливым выражением на лицах, так что реально создавалось впечатление – я в раю!

И хотя меня тоже не покидала улыбка блаженства, но чувство от увиденного было смешанное: то ли это хорошо, то ли безобразие полнейшее. За годы своей медицинской деятельности я никогда не видела столько голых людей вместе.

В общем, ощущения у меня остались непередаваемые.

Дома я пыталась Леопольда:

– Это нормально? В чем подвох?

– Нет никакого подвоха, везде в Германии так. Один день в неделю женский, остальные – цузаммен, что значит «вместе».

Стоит ли говорить, что, обогатившись необычными впечатлениями, в эту ночь наконец случилось то, что должно было случиться. И ради чего, собственно, женятся мужчины. Как русские, так и иностранные.

Глава четвёртая. Дядюшкино наследство

В этот вечер мы мирно сидели на кухне небольшой по местным меркам трёхкомнатной съёмной квартиры моего жениха. Воздух был пропитан ароматом молотого кофе и табачного дыма, сопровождавших Леопольда чуть ли не 24 часа в сутки. Несмотря на поздний час, мы пили кофе. Никогда в жизни я не пила его столько, сколько пришлось на время моего пребывания в Западной Германии.

Раздавшийся телефонный звонок взбудоражил Лёвушку. Он с досадой положил трубку и сообщил:

– Дядюшка Роберт умер! Помнишь, я тебе про него рассказывал? Мой единственный дядя, которому молва приписывает мифические богатства. Но как не вовремя! Что бы ему неделей раньше не умереть? У меня только невеста приехала. Теперь весь мой отпуск пойдёт под хвост. Надеюсь, организация похорон не ляжет на мои плечи.

С этими словами он поехал к своей маме, чтобы обсудить детали.

Наследство – одна из тем, которая всегда волнует человечество. И я оказалась не исключением.

«Ах, никогда ещё я не получала никакого наследства, – мечтала я, прихлёбывая горьковатый напиток. – Конечно, оно не моё – да-да, это понятно. Хотя... хм... всё может быть. У Леопольда нет детей, а из ближайших родственников только старенькая мама. Как же всё это интересно выходит. Может быть, не так уж я и прогадала, собираясь замуж за простого работника, у которого на носу только пенсия?»

На другой день мы поехали осматривать владения умершего дяди.

– Никому не говори, – объяснял мне Лео по дороге. – Мы официально не имеем никакого права вступать на эту территорию, и я делаю это только по твоей просьбе.

Отношение Леопольда к ожидаемому наследству меня несколько удивляло. В то время как я мысленно потирала руки, мой жених был озабочен нежеланными хлопотами.

Старый деревянный дом дядюшки располагался за городом. К дому прилагались дворцовые постройки, огород и поля под посевы, которые сдавались в аренду фермерам.

Заниматься хозяйством дядя по старости давно перестал, сад и огород заросли травой и стали похожи на непроходимые джунгли. В сарае тихо ржавел старенький трактор с прицепом, здания для животных зияли побитыми стёклами. На сам дом тоже было жалко смотреть: весь в паутине, со старым прогнившим скрипучим крыльцом, под которым приютились две серые кошки.

Интрига заключалась в том, что, исходя из его скромного образа жизни и традиционно хорошей для старого поколения пенсии, дядюшка слыл человеком при деньгах. Ходили слухи, что он покупал золотые монеты, которые прятал дома или во дворе. В общем, чем больше информации я узнавала, тем история с дядюшкиным наследством казалась мне всё более интересной.

Чем развлекаются бургеры в маленьких городках Западной Германии? Оказалось, тем же, чем и мы с вами – телефонными разговорами. Со следующего дня моему жениху начали названивать заинтересованные лица.

Первым делом ему позвонили из городской администрации. Пробив по компьютеру ближайших родственников, они сообщили Леопольду, что он может забрать тело любимого дядюшки по такому-то адресу и с божьей помощью предать его земле.

К моему несказанному удивлению, Лео сразу объявил, что ни он, ни его мама похоронами заниматься не будут. Всем интересующимся данным вопросом, как то: звонившим нам домой соседям, дальним родственникам, представителям городской администрации – он объяснял,

что очень занят на работе, не имеет ни минуты свободного времени. К тому же почему именно он должен это делать?

Но и никто другой не спешил взять на себя заботу о проводах дядюшки в последний путь. Народ пытался убедить племянника покойного, что это его святая обязанность. При этом все как один упоминали о дядюшкиных сокровищах.

На что Лео твёрдо отвечал, что он понятия не имеет о состоянии дядюшки, никогда на эту тему с ним не разговаривал и чужие деньги его не интересуют.

Звонили из общества охраны животных с просьбой забрать себе двух осиротевших кошек.

– А что, есть решение суда о том, что эти кошки мои? – возмутился в трубку Леопольд. – Ах, нет? Ну и прекрасно. Девайте их куда хотите.

Доброжелатели сообщали, что по ночам в дядюшкином доме кто-то бродит с фонариком.

– Дом опечатан, вход туда воспрещён, – громыхал Лео в ответ. – Если кто-то хочет вступить в конфликт с законом – пожалуйте. А лично я не имею права входить на территорию, которая мне не принадлежит.

Соседи фермеры интересовались, не собирается ли Леопольд поднимать арендную плату за пользование дядюшкиными полями.

– Была бы моя воля, я бы вам эти поля и так подарил, – с фермерами Лёвушка разговаривал голосом доброго самаритянина. – Вы на них всю жизнь работаете, а я человек городской, зачем мне поля? Но не могу, друзья мои, прав на них не имею.

Линии телефонной связи в нашем городке испытывали сверхнагрузку, разнося по бюргерам и бюргершам последние городские сплетни.

Я же по простоте душевной готовила место для кошек, рвалась по ночам ловить с поличным искателей сокровищ и изучала цены на недвижимость в местной газете.

Но никому из нас так и не удалось вывести Леопольда из равновесия.

Вычитав из местной газеты дату и время похорон, мы приехали в небольшую капеллу и заняли места в переднем ряду. Леопольд держался ровно и только кивал в ответ на соболезнования. Его мама – худенькая дама 85 лет, живущая отдельно на вдовью пенсию, – с интересом вертела головой в разные стороны, выискивая знакомые лица и радуясь возможности пообщаться с людьми.

Немногочисленные скорбящие шептались о том, что городская администрация хоронила дядю за свой счёт. Укоризненные взоры старушек, единственным развлечением которых остались встречи на похоронах друг друга, были обращены в сторону Леопольда. Так что по окончании официальной части мы удалились по-английски.

Мне запомнилась милостивая женщина в чёрном, новая соседка дядюшки. Окружённая тремя малолетними детьми, она тоже подходила к Лео. Пробормотав: «Мне очень жаль», она ушла так же тихо, как и появилась минутой раньше в полуосвещённом проходе церкви.

В последующие две недели тема дядюшкиного наследства Леопольдом не поднималась. И только по тому, как резво Лёвушка встречал почтальона по утру, мне было ясно, что развязка впереди.

Наконец пришла бумага из суда.

Лео бросил на меня заинтригованный взгляд и нарочито медленно разрезал конверт ножиком для бумаг. По мере чтения документа выражение лица его менялось: любопытство, удивление, возмущение...

В итоге он разразился гомерическим хохотом и, размахивая перед моим носом бланком с синей печатью, возгласил:

– Я так и знал! Садись, а то упадёшь. Дядя Роберт написал завешание! Всё его имущество достаётся молодой соседке, купившей несколько лет назад домишко неподалёку. Ах, старый лис! То-то он пропал из виду...

Лео продолжал свою гневную речь, но я уже не слышала, какими эпитетами он награждал своего любимого дядюшку. Корона тихо сползала с моей головы, и мне становилось понятно, почему Леопольд так решительно отказывался раньше времени объявлять себя наследником.

– Представь себе, – заявил мне в итоге Лео, – что я оплатил бы похороны дяди. Это, между прочим, с поминками тысяч пять, не меньше. Кто бы вернул мне эти деньги? Ведь это была бы моя личная инициатива – ну и плати на здоровье! А если бы я ещё привёз домой двух кошек и сидел бы по ночам в кустах, выслеживая искателей сокровищ на «нашей» территории, то сейчас радости всей округи не было бы предела.

Неясным остался вопрос: знали ли получившие наследство лица о завещании? По крайней мере, они сидели тихо как мыши.

А я задалась вопросом: так кто же они, эти немецкие мужчины – расчётливые, себе на уме бюргеры или всё же искренние романтики, как показалось мне вначале?

Глава пятая. Чему бы грабли ни учили, а сердце верит в чудеса

Смогла ли я за короткий срок полюбить этого малознакомого жителя абсолютно чужого для меня мира? Я думала, что нет. Но почему-то, медленно проходя через зону дьюти-фри и рассеянно скользя глазами по прилавкам с мировыми трендами, я чувствовала, как сжималось моё сердце и текли по щекам слёзы.

Прощание в аэропорту было настолько трогательным, что я не удержалась и разревелась, глядя в два бездонных озера печали на его лице.

Я глубоко вздохнула, неосознанно наслаждаясь запахами парфюмерного отдела, и вытерла слёзы. Я боялась ошибиться, или лучше сказать – мне нельзя было больше ошибаться. Ну правда, хватит уже.

Принимая его игру и делая вид, что всё идёт по плану, в глубине души я не была уверена, насколько всё это серьёзно с его стороны. А главное, с моей. Готова ли я поменять нашу с Иваном жизнь на все 180 градусов?

Официального предложения он мне не делал. По крайней мере, не вставал на одно колено или что-то в этом роде. Для него это оказалось как бы само собой разумеющимся – раз я приехала, раз у нас секс, а главное, раз он показал мне свои скоросшиватели с домашней бухгалтерией, значит, намерен жениться.

Так объяснила мне тётя Ира, прожившая в своё время несколько лет в Восточной Германии:

– Немец никогда не посвятит постороннего человека в свои денежные дела. Факт того, что он пытался ввести тебя в курс своего финансового положения, говорит обо всём. Короче, готовься к свадьбе.

А я ещё и думать-то на эту тему не начала.

Я вспоминала тихие домашние вечера с этим беспрерывно курящим и много говорящим немцем, уютный диван и широкие кресла в зале, мелькающие картинки иностранного телевидения в его старомодно обставленной квартире и пыталась представить себя его женой, хозяйкой.

На самом деле, мне с ним было уютно. Но гораздо важнее собственного уюта было то, что он принимал моего сына. Не просто говорил, какой он хороший мальчик, а строил планы насчёт учёбы, кружков и будущей профессии.

Когда я звонила Ване и ласково называла его то Ванечка, то Иван, а то Иванушка, он удивлялся – так как же мальчика зовут? И я рассказывала ему, что русское имя имеет много вариантов в быту. Так на свет появились Светушка и Лёвушка, ставшие впоследствии нашими привычными обращениями друг к другу.

В слове «Светушка» ударение он ставил на букву «У», и это казалось смешно:

– Све-тушка, Све-тушка.

– Никакая я тебе не тушка!

Но слово прижилось.

Я ещё не успела добраться до дому, как Леопольд сообщил мне:

– Я ходил узнавать насчёт регистрации брака. Нужно подготовить кучу документов! Беру отпуск и еду к тебе.

Что же, пришло время позвонить моим подругам и раскрыть карты:

– Приезжайте, девочки, я, кажется, опять выхожу замуж.

Первой на семейный совет примчалась Марьяна. Вообще-то, в школе она звалась просто Маша. В наше пионерское время это имя было ужасно немодно и звучало как-то по-деревен-

ски. Бедная Маша страдала по полной программе и все выражения типа «Манька с мыльного завода» или укоризненное «Ну ты и Маша!» воспринимала на свой счёт.

Поэтому, освободившись наконец-то от всезнающих и вездесущих одноклассников и став студенткой художественного училища, она стала представляться именем Марьяна, что звучало очень круто.

– Так, садись, рассказывай, – громовым голосом скомандовала Марьяна. – Я знала, что здесь что-то нечисто, две недели ни ответа ни привета. Ты с ума сошла, почему тайком? А если бы пропала?

– Родители знали, – пролепетала я в своё оправдание, ёрзая на стуле, как школьница, застигнутая врасплох с запиской неприличного содержания.

– Признавайся – было?

– Ну ясное дело, чего бы он меня приглашал. Он же не турфирма, чтобы просто так возить меня по достопримечательностям.

– Ой, ну рассказывай, – глаз Марьяны загорелся, – лучше наших? Дастиш фантастиш?

– Отстань, Маш, ну ей-богу, не до этого. Нормально всё, если хочешь знать. Тут проблема в другом. Он в загс уже сходил, всё узнал про документы. Приезжает через неделю.

Лицо Марьяны вытянулось, и выражение любопытства в глазах сменилось недоверием.

– Да ла-а-адно, – протянула она. – Не может быть. Ты чего там с ним сделала? Нет, это всё ненормально. Светка, пока ты не вляпалась по уши, надо разобраться в ситуации. Теперь без дураков, выкладывай всё начистоту.

Возникшая в дверях Ритуля оглядела нас с нескрываемым любопытством: «Ой, а что это у вас такие лица?»

– Светик собралась замуж за немца, – уже оправившись от первого шока, отчеканила каждое слово Марьяна.

– Да ну?!

– Ну да.

– И что же нам теперь делать?

Но в умной голове у Марьяны уже сложился план моего спасения.

– Сейчас мы разложим его по полочкам, и я докажу тебе абсолютную невозможность этой безумной затеи.

Мы сидели за кухонным столом, и я представляла Марьяну в роли судьи, Ритулю в роли адвоката, а себя саму, естественно, в роли обвиняемого.

– Ищет жену-домработницу.

– К нему раз в неделю приходит фрау, убирается. Но даже если и мне придётся, что я, не русская женщина? (Так и случилось!)

– Экономит, поди, на всём. Батареи дома включены? Горячей водой пользоваться разрешал?

– В спальне холодина, но сказал, так у них заведено – для здоровья полезнее спать в прохладном помещении.

– Спальный колпак купить не забудь! (И правда купила и сплю в шапочке!)

– Что с едой?

– Не знаю. Он дома не готовит, на работе в столовой питается, а меня кормил в общепите.

– Вот видишь, заморит голодом. (Ох, права оказалась подруга, раз в день горячее питание, а утром и вечером – бутерброды!)

– Курит, говоришь, как паровоз, да ещё не выходя из квартиры?

– Да, но он так привык, столько лет жил один.

– Задохнёшься, все вещи провоняют, будешь пахнуть как бомжиха. (Всё так и есть, просто мучение с этим табачищем!)

– Сильно разговорчивый? Замучаешься слушать весь этот мужской бред. Нашёл свободные уши! Да у тебя через месяц совместного житья голова кругом пойдёт. (Ещё как идёт!)

– Девочки! Ну хватит уже. Давайте думать о хорошем, – вступилась за меня Рита. – Светуле просто хочется пожить уже нормально как человек. Не пахать всё лето на огороде, а ездить в отпуск в тёплые страны. Не тащить с базара сумки, трясясь в грязной газельке, а складывать пакеты в багажник автомобиля. Не пугаться каждый раз, когда Иван приносит очередную записку из школы с просьбой сдать деньги на ремонт или охрану школы, а просто сказать: «Милый, нам нужно это оплатить». И вообще, скажите мне, какой дурак откажется от предложения пожить в Европе? – выложила она свои козыри.

– Лучше быть одной, чем с кем попало, – уже довольно вяло парировала убеждённая холостячка Марьяна.

– Вот как раз кем попало его не назовёшь!

– Обратимся к интернету, – примирительно сказала Рита и достала из своего портфеля всюду сопутствующий ей ноутбук.

«Немец считает себя скромным и довольно заурядным человеком. Дайте ему пиво, колбасу, немного уюта и человека, с которым можно было бы поспорить о политике или пожаловаться на жизненные неурядицы, и он будет доволен. Немцы любят помечтать и считают себя романтиками. В каждом немце есть что-то от неистового Бетховена, парящего над лесами и оплакивающего закат солнца в горах. Простой честный народ», – прочитала она мягким успокаивающим голосом.

Эти слова, написанные неизвестным автором, хорошо на нас подействовали. Девочки, которым, конечно же, в первую очередь не хотелось, чтобы я уезжала так далеко, мирно согласились: «Пусть приезжает, посмотрим на него!» А я, осмысливая все справедливые аргументы Марьяны, думала, что, возможно, наступаю на очередные грабли.

А может быть, вытягиваю счастливый билет?

Глава шестая. Я жду тебя, дорогой!

Представьте себе, что вам необходимо лететь в какую-то отсталую и, может быть, даже опасную страну, про которую вы, конечно, слышали, что она есть и что люди там живут, но мало знаете, что там творится на самом деле. Возьмём, к примеру, Камбоджу.

По телевизору, известное дело, хорошего про Камбоджу не показывают. Всё больше камбоджийские деревни без водопровода и электричества, неумытые и голодные ребятишки, испуганные люди с тюками на головах, которые тянутся печальной вереницей под палящим солнцем. И обязательно лицо усталого солдата в запылённой каске цвета хаки.

Наверное, вы откроете путеводитель или энциклопедию, чтобы лучше осведомиться о стране пребывания. Пробежав глазами текст о политическом устройстве и климатических особенностях, вы обречённо остановитесь на словах: «Отклоняться от наезженных туристических маршрутов и населённых мест путешественникам не рекомендуется по причине большого количества мин, оставшихся со времён гражданской войны. Другие опасности (преступность, инфекционные болезни, змеи) оцениваются как незначительные».

Ну да, чего там, подумаешь, змеи. По сравнению с минами. Но лететь надо! Причём одному. Без знания кхмерского языка. И не в столицу Пномпень, а за сотни километров от неё. И знакомы-то вы с одним-единственным камбоджийцем, а остальным до вас и дела никакого нет.

Примерно в таком состоянии находился Леопольд после того, как принял безграничное по своей храбрости решение лететь одному в небольшой российский город в гости к русской невесте.

Его письма становились короче и непонятнее, незапланированные телефонные звонки озадачивали, и по голосу мне казалось, что он на меня за что-то сердится.

Или жениться передумал?

Мне уже хотелось сказать ему, что, мол, не хочешь – не лети. Но чувство такта и русское «поживём – увидим» останавливало. Тем более что мы с подружками вовсю готовились к приёму заморского гостя.

За три дня до его прилёта мы собрались, отпросив Риту у мужа, на девичник, чтобы обсудить приём со своей стороны. Я показывала подружкам фотографии Лео молодого, средних лет и сегодняшнего, которые стащила из его альбома.

– Ой, девочки, – протянула Рита, рассматривая фото с юным длинноволосым Леопольдом, – да он же просто хиппи!

Одетый в брюки клёш и батник с остроносом воротником, патлатый Лео сидел на лестнице подъезда, дружески обнимая свидетеля на его первой свадьбе— итальянца Джованни.

– Это в каком же году?

– Да мы как раз пионерили вовсю!

– Ой, девочки, а помните, как мы в школе на женихов гадали? Вырезав из газет и журналов мужские имена и фотографии артистов, мы призывали на помощь духов. И, перемешивая в коробке из-под туфель газетные вырезки, вытаскивали прототип суженого.

А теперь представьте себе, если бы тогда Светка вытащила фотографию заграничного хиппи по имени Леопольд! Этого просто невозможно было себе представить – фээргэшник, представитель загнивающего Запада! – засмеялась Рита.

– Так, давайте к делу, – Марьяна была самой практичной из нас. – Надо составить план работы с иностранцем. Не будете же вы всё время сидеть дома. Давайте его на нашу турбазу свозим? Там ельник шикарный – озеро, воздух! Шашлыков нажарим, водочки попьём. По-русски, так сказать!

– Надо сделать экскурсию по историческому центру города. Я попробую на английском подготовить. И в музей можно, там новая экспозиция по родному краю.

Подружки не сомневались, что и они в деле.

Мы сидели на моей крошечной кухне и записывали на листе бумаги все идеи, чтобы не забыть. Шампусик радостно пузырился в бокалах, отвечая нашему беспшабашному настроению, так что на третьей бутылке девчонки расслабились окончательно.

– А давайте его в аэропорту с хлебом-солью встретим, – веселилась Марьяна, – такие три матрёшки. Я и костюмы из художки принесу.

– Главное, много не пить, а то я обязательно скажу какую-нибудь глупость вроде «Гитлер капут», – подводила резюме своим особенностям питья Ритуля.

– Ха-ха-ха, а ещё – «руссиш швайн» и «дастиш фантастиш», – размахивала сигаретой Марьяна.

– Не вздумайте, девочки. Опозорите страну. Учите лучше «гутен таг» и «ауфидерзейн».

Телефонный звонок прервал наше веселье. Я плотно прикрыла за собой кухонную дверь.

– Тише, наверняка это он. Что, дорогой? Заболел? Что случилось? Диарея?! К врачу ходил? Пить чай с ромашкой и снотворное? Ну выздоравливай, до послезавтра время есть. Целую тоже.

«Да ведь это у него от страха перед поездкой в Россию, в незнакомую страну, к незнакомым людям, незнакомой еде и прочим неминуемым опасностям», – осенило меня внезапно.

Я вспомнила, как он утверждал, что, несмотря на падение всех стен, в том числе информационной, многие немцы плохо осведомлены о нашей жизни. Считают, что в России есть только два города – Москва и Санкт-Петербург, а всё остальное – Сибирь. Что за любым углом можно встретить белого медведя, а передвигаемся мы исключительно на санях или телегах.

Послезавтра самолёт, вот его и колбасит. И как я раньше не догадалась?

На другой день я накупила продуктов – хлеб, масло, «яйко, млеко» – всё, как он любит. Сфотографировала и выслала Лео с надписью: «Я жду тебя, дорогой!» К фотографиям я приложила наши вечерние труды с подробным описанием предстоящих развлечений.

Леопольд немного успокоился.

В назначенный час, где-то после полуночи, я стояла в нашем небольшом аэропорту в первых рядах встречающих самолёт из Домодедово, чувствуя себя одновременно девушкой Бонда и фокусником, который готовится вытащить зайца из шляпы неожиданно для праздной толпы.

– Халло! Халло, майн шатц! – облегчённо закричал издали Леопольд, едва завидев мои глаза.

– Халло! Херцлих виллкомен! Виллкомен цухаузе! – замахала я рукой, стараясь с нужным акцентом произнести фразу приветствия, которую выучила накануне.

Иностранец с седоватой бородкой, по-летнему в белых брюках, светлой дорожной парке и с кожаным чемоданом на колёсиках, бросился в мои объятия. Победоносно оглядев застывших в недоумении, с открытыми ртами на полуслове моих соотечественников, я широким жестом пригласила Лео к выходу.

– Такси!

Фокус удался.

Глава седьмая. Приключения Леопольда в России. День первый

На другое утро я вызвала машину по одному из многочисленных телефонных номеров с одинаковыми цифрами, кажется, похожих во всех городах, чтобы ехать зарегистрировать Леопольда по месту пребывания.

Мы спустились вниз по лестнице с запахом последствий от вчерашнего загула группы хронически неработающих жильцов нашего подъезда.

Доверчиво усевшись на покосившейся подъездной лавочке, Лео привычно затянулся сигареткой без фильтра, которые он курил из убеждения, что «натуральный табак полезнее химических фильтров», а я отошла в сторонку. Во-первых, чтобы не дышать с утра противным дымом, а во-вторых, чтобы отправить довольный смайлик на нетерпеливую эсэмэску Марьяны с вопросом: «Ну как?»

Этим сразу же не преминули воспользоваться местные алкаши, которые брели своей жаждущей опохмела компанией мимо пустых в это раннее время скамеек и песочниц.

– Братан, дай три рубля! – мирно обратились они к единственному обитателю двора Леопольду. Лео слегка занервничал и изобразил непонимание, подняв руки ладонями вверх и пожимая плечами. – Да ладно, что, тебе жалко, что ли? – продолжали канючить алкаши. – Ну дай хоть закурить.

– Так, ну-ка, валите отсюда, денег нет! – поспешила я на помощь. Но добрый Лёвушка уже доставал из пачки курево, сообразив, в чём дело.

Из-за поворота вырулила старая «пятерка» с грязными после вчерашнего дождика боками. Грузный дядька с папирсой, вяло вращая ручкой бокового стекла, глядел куда-то помимо нас:

– Такси заказывали?

Ну не везёт так не везёт! И на этой колымаге я должна везти иностранного гостя? Я вопросительно посмотрела на Леопольда.

– Такси?! – он вытаращил на меня свои большие глаза, но постепенно удивление во взгляде сменилось жаждой приключений.

– Поехали! – он бодро поднялся, затушив об асфальт сигарету, и бросил её в забитую пустыми пластиковыми пивными бутылками мусорку. Мы сели на обшарпанное заднее сиденье, и наивный Лео попытался найти там ремень безопасности.

Таксист выбросил папирску в окно, смачно сплюнул и затарахтел мотором. Облепленная по передней панели иконками железяка заскрипела по убитому после зимы асфальту.

– Куда едем? – таксист, которого я про себя окрестила Бывалым, подозрительно разглядывал Леопольда в зеркало заднего вида. Я назвала адрес, в глубине души молясь, чтобы мой немец не открывал рта. Конечно, шила в мешке не утаишь, но всё же чем меньше народу будет знать, тем оно спокойнее.

Но Лёвушка уже восторженно глядел в забрызганные окна:

– Светушка, смотри, электробус! (это он про троллейбус), кирха! (это церковь), циркус! (круглое советское здание цирка).

Бывалый засопел, удовлетворённый тем, что его подозрения оправдались.

– Это кто же тут у нас такой? – спросил он меня, как спрашивают о маленьком ребёнке, и заговорщицки подмигнул в зеркало.

– Ну кто, иностранец, – нехотя процедила я сквозь зубы. Но не тут-то было. Такой краткий и очевидный ответ Бывалого не удовлетворил.

– Откуда приехал? – напирал он.

– Да кто его знает, – соврала я неожиданно для себя, – из Европы.

Хм, – таксист почесал под козырьком засаленной кепки. – Вроде как скандинав, на норвега похож. Возил я тут как-то норвегов, приезжали к нам на градообразующее.

Я невольно хихикнула, представив обескураженные лица «норвегов», которые ездили на этой колыхаге, и Бывалый замолк.

Лёвушка хлопал глазами и улыбался, а я была рада, что мы уже прибыли на главпочтамт, где можно было заполнить бумаги на регистрацию и отправить письмо в УФМС.

В старинном купеческом доме, где располагалась главная почта, было по-воскресному пусто. Толстая тётка за стеклянным окошком что-то озабочено писала и делала вид, что ужасно занята. На мой вопрос, где мне взять бланки, она, не поднимая глаз, буркнула: «Десять рублей, образцы – на столе».

«Вот зараза, – подумала я с досадой, – могла бы быть и поприветливее». После истории с такси теперь ещё недружелюбие маленьких чиновников. А ведь мне так хотелось показать нашему заграничному гостю хорошую Россию!

С неуютным чувством просителя, который в глубине души подозревает, что чиновник найдёт к чему придаться и торжествующе откажет, я заполняла бумаги «на регистрацию иностранных граждан на территории РФ», строго соответствуя образцу с данными некоего Мухамедова Али Мухамедовича, прибывшего из Джалал-Абада.

Бумаги я переписывала три раза, потом бегала через дорогу, чтобы сделать дополнительные копии (отдел копирования на почте, вопреки логике, к почте не относился и в воскресенье не работал), потом доплачивала за бланки.

Тётка была довольна, что сумела меня погонять, Лео безмятежно раскачивался с носка на пятку, рассматривая информационные стенды, Мухамедов подглядывал за нами с нечёткой фотографии.

Наконец конверт был заклеен, подписан и взвешен. И, выдавая мне квитанцию об оплате, почтовая работница, которая всё это время посматривала на Лео с некоторой опаской, всё же не удержалась:

– Леопольд. Имя какое-то...

– Кошачье, – услужливо подсказала я, лучезарно посмотрев ей в глаза. – Выходи, подлый трус!

Довольные, что победили, мы поехали на завтрак к маме с папой, где нас уже ждал мой маленький Ванька.

В отличие от моей однушки, расположенной в новостройке на окраине города, родители жили в центре, в уютной трёхкомнатной хрущёвке, которую папа получил много лет назад от своего предприятия.

Мою историю с возможным замужеством они приняли диаметрально противоположно.

– Неужели моей девочке наконец-то повезло, – со слезами на глазах вздыхала мама, – жених попался самодостаточный и обеспеченный.

Всю жизнь прожив за крепкой папиной спиной, она не уставала поражаться непорядочности героев моих романов и верила, что «всё ещё будет хорошо, и найдётся человек...»

– Ты куда это собралась? – кипятился папа. – У тебя и так всё нормально – работа, квартира, чего ещё не хватает?

Не знаю, но чего-то не хватало. Или, вернее, я знала чего, но объяснять это папе... По крайней мере, не сейчас.

Сейчас они мужественно встречали заграничного гостя. На столе стоял снятый с антресолей электросамовар, чайный сервиз с золотой каёмочкой, горкой румяные блины и три сорта маминого варенья.

– Переведи ему – со своего огорода! – громко прокричал папа.

Проголодавшийся от обилия впечатлений Леопольд радостно закивал головой:

– Я-я, мармеладе, блины.

Ванька, с порога получивший в подарок наручные часы, заботливо привезённые Лео с собой из Германии, тарашил на него любопытные глаза.

– Ваня, ты помнишь Леопольда? Мы с ним на море в теннис играли.

Иван подумал и, отследив в умной голове отличника-третьеклассника цепь событий моей жизни, затаив дыхание, спросил:

– Мама, так что, у тебя уже третий парень?!

После весёлого и сытного завтрака, с чередой вопросов и ответов в моём слабом переводе, я уже знала, чем занять мужчин. Ещё в Германии я заметила, что Лео – большой любитель музыки 70-х, как и мой отец, который, в сущности, был всего-то на семь лет старше Лёвушки. Я подвела их обоих к коллекции папиных кассет и дисков.

– «Битлз»! «Роллинг Стоунз»! – продолжал кричать папа, искренне веруя, что иностранец так лучше его понимает, тыча пальцем в знакомые физиономии на фотографиях.

Ой, что тут началось! Пролетарии двух стран немедленно объединились на общей любви к ритмам молодости, а значит, счастья. А мы с мамой получили возможность посекретничать на кухне.

– Не слушай никого, доча, езжай. Мужчина он, сразу видно, хороший. Ивана в люди выведешь, доченьке поможешь, сама поживёшь как человек, да и мир посмотришь. А мы справимся, не переживай! Продадим огород, на кой он нужен, пенсия у отца хорошая, проживём!

О, мои дорогие, любимые, готовые на самопожертвование ради своих детей и внуков родители! Я пишу эти строки, и слёзы текут по моим щекам.

Глава восьмая. Приключения Леопольда в России. День второй

Под большим впечатлением от тёплого приёма, оправившийся от страха быть погибшим на чужбине, Леопольд стоял на балконе моего шестого этажа, любуясь закатом и покуривая свою неизменную сигаретку.

– Вот это по-русски! Первый раз такое вижу, – промолвил он, глядя куда-то вниз. – Светушка, иди сюда!

Я облокотилась о перила. Внизу на заднем дворе расположился рейсовый автобус ПАЗ. Его хозяин, он же водитель, ставил автобус под окнами дома и в тёплое время года сам же его ремонтировал с помощью мата и лома. В этот вечер ему помогал ещё один Данила-мастер в промасленных рабочих штанах и высоких резиновых сапогах.

Мужики разбортировали колесо. Засунув монтировку между резиной и обручем, они стучали по ней молотком и давили резиновыми сапогами. В радиусе трёх метров на земле лежали тряпки, верёвки, различные инструменты, в которых лично я не разбиралась.

– Такой народ не победить, – удовлетворённо констатировал Лео, часто рассуждавший на тему о том, какими дураками были немцы, когда вздумали идти войной на эту необъятную и жутко холодную страну. – Это надо же, своими руками! У нас никто бы так не смог, чуть что – на шиномонтаж.

Лично я ничего необычного в трудах наших водителей не увидела, но за отчизну была горда.

Мужики, попотев с перекурами часа два, поставили колесо на место, и Лёвушка наконец-то перестал бегать из комнаты к балкону, оставив свой наблюдательный пост до завтра.

На другой день с утра пораньше, сварив кофе, предусмотрительно привезённый с собой вместе с компактной кофеваркой, он уже опять стоял на своём посту, удивлённо наблюдая движение разношёрстного народа, спешившего по своим делам.

Особенно поразили Леопольда наши женщины. По-весеннему нарядные, с уложенными причёсками, ярким макияжем и в обуви на высоких каблуках.

– Неужели у вас так запросто гуляют по улицам женщины лёгкого поведения? – спрашивал озадаченный Лео. – И почему утром?

Леопольд никак не мог понять, что ковылять на шпильках, проваливаясь каблуками в трещины тротуара – это наша российская забава. И что русским женщинам совсем не лень проснуться на час раньше, чтобы навести марафет как перед выходом на сцену.

Когда я всё же пояснила ему, что это обычные жёны и матери, он удивился ещё больше.

– А это тогда кто? – вопрошал он, указывая на неряшливо одетых мужиков в спортивных штанах, которые несли в грязных клетчатых сумках пустые бутылки и притопнутые ногой жестяные банки в ларёк сдачи вторсырья.

– А это их мужья, – пригвоздила я Леопольда. – Сядь на табуретку, не высовывайся, а то всех соседей переполошишь.

Но он уже собирался по делам – первым делом, как говорится, самолёты. В нашем случае – подготовка документов к женитьбе по списку, выданному в его немецком загсе.

Граждане, выросшие в советский период, знают, что оформление и получение разного рода документов – задача непростая.

Никаких интернет-порталов тогда не было. Были километровые очереди в различные окошки, где мы стояли часами, иногда переругиваясь с лезшими по головам, чтобы «только спросить».

Поэтому к сбору документов я была готова. А Леопольд, естественно, нет.

Этот день он запомнил на всю жизнь. Холодные полуподвалы архивов, мраморные лестницы городской администрации, ободранные дерматиновые диваны в приёмной нотариусов, закрытые на ключ туалеты и отсутствие кафетериев вблизи данных учреждений.

И главное, толпы посетителей с озабоченными лицами.

– Светушка, что здесь делают все эти люди? – громко вопрошал он на чистом немецком языке, обескураженный непонятной ситуацией в наших казённых учреждениях, где в обычный рабочий день уныло мается по коридорам такое большое количество трудоспособных с виду граждан.

– То же, что и мы. Иди лучше покури, – пыталась я спровадить Лео, ругая себя за идиотскую идею взять его с собой. Но с другой стороны, не оставишь же его дома одного.

Единственным препятствием на пути к нашему счастью оказалась «Справка о брачной правоспособности» – документ, доселе неизвестный должностным лицам нашего города.

– Что это за справка такая? Первый раз слышу, – объявила замдиректора нашего загса не допускающим возражений голосом, боковым зрением не выпуская из виду экзотичного седобородого иностранца.

– Я не знаю. Судя по названию, что мне разрешено вступить в брак или что я в данный момент не замужем.

– Девушка, не морочьте мне голову, – ухмыльнулась она моей бестолковости. – Если вам есть восемнадцать (а по моему виду было ясно, что есть, и уже очень давно), то вам разрешено вступать в брак автоматически. А замужем вы или нет – откуда мне знать? В нашем городе я ещё могу посмотреть, а данных за всю страну у нас нет!

– Что же мне делать? – умоляюще всхлипнула я. – Они требуют!

При слове «они» служительница Амура покосилась на Лео, который озабоченно вращал глазами, чуя, что дело не ладится.

Нахмутив лоб под грузом ответственности перед лицом иностранного гостя за благообразный имидж Дворца бракосочетаний, дама решила на телефонный звонок начальству.

Отвернувшись от нас на крутящемся стуле, она наклонилась почти под крышку письменного стола, хотя акустика от этих манёвров не пострадала. «Гражданка сочетается браком с гражданином Германии... Нет, не у нас... Справка о брачной правоспособности...»

– Вот что, девушка, – повесила она трубку. – Обращайтесь за справкой к тем, кто её от вас требует, то есть к немецким коллегам. Больше ничем, извините.

Домой мы прибыли уже под вечер, и под шипение кофеварочной машины я вяло отбивалась от недоуменного Леопольда, озадаченного таким огромным количеством людей, которые в обычный понедельник вместо того, чтобы содействовать экономическому развитию страны и находиться на работе, толкуются в присутственных местах.

«Да уж, с Германией не сравнить», – вспоминала я свою поездку.

Пережив утреннее движение автомобилей с шести до восьми часов утра, маленький немецкий город буквально замирал, не считая проснувшихся ещё в пять, но ждущих своего часа пенсионеров.

С шестнадцати до восемнадцати город ещё раз переживал нашествие спешащих к домашнему очагу автомобилистов, часов до семи вечера ещё можно было увидеть припоздавших с покупками, припаркованные около супермаркета авто, и – тишина.

Ни шороха, ни звука, как сказал бы поэт.

Но это там, у них. Почему наш российский народ копошился целый день вне пределов дома и рабочего места, я не знала. Попыталась пролепетать что-то про свою работу:

– Ну вот, смотри, например, медсестра. Она работает по сменам.

На что недовольный Леопольд съязвил, что «никогда не видел столько празднующихся вместе медсестёр», и прочее, и прочее.

Нашу полемику прервали стуки молотка по монтировке, раздавшиеся внизу под балконом. Охваченный смутным предчувствием наступающего дежавю, Лёвушка поспешил к балконной двери.

Так и есть! Водила пазика и его промасленный сотоварищ разбортировали то же самое, вчерашнее колесо.

Глава девятая. Приключения Леопольда в России. День третий

Как говорила моя бабушка, учившая меня жизни русскими народными пословицами, ночная кукушка дневную перекукует.

Утром Лёвушка опять пребывал в благодушном настроении, позабыв наш вчерашний спор на тему «Потеря денег и рабочего времени вследствие непрофессионального подхода к ремонту автотранспортных средств».

Я же убирала коврики, расчищая место для батарейщиков, которые обещали прийти с минуты на минуту. Воспользовавшись краткосрочным отпуском, я наконец решила заменить старую чугунную батарею на многообещающую биметаллическую.

Согласно объявлению в еженедельной газете, фирма, имевшая «все необходимые лицензии на проведение работ с отопительными устройствами», обещала, что «профессионализм сотрудников позволит быть уверенными в качестве выполняемой работы».

Лео, обложившись кофеваркой и сигаретами, приготовился к наблюдению за познавательным событием из жизни русских. Я же особо не переживала, памятуя об обещанном профессионализме сотрудников – пусть себе посмотрит.

Опоздав всего-то лишь на час, на протяжении которого Леопольд украдкой поглядывал на циферблат, батарейщики зашуршали сапогами по настеленным на полу газетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.